

ДИНА РУБИНА

XII

2010

ДИНА РУБИНА

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
I-XXI

2022

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р82

Художественное оформление серии
Юлии Стоцкой

Рубина, Дина.
Р82 Собрание сочинений. I—XXI. Том XII. 2010 / Дина Рубина. — Москва : Эксмо, 2022. — 448 с.

ISBN 978-5-04-165174-9

В двенадцатый том полного собрания сочинений Дины Рубиной вошел всенародно любимый роман «Синдром Петрушки», который автор специально перечитала и внесла в текст некоторые правки. Для этого тома Дина Рубина также специально написала вступительное эссе.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-165174-9

© Д. Рубина, 2022
© Стоцкая Ю., оформление переплета, 2022
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Люди-куклы и куклы-люди

Трилогия «Люди воздуха», в отличие от других моих длинных трехчастных книг — «Русской канарейки» и «Наполеонова обоза», складывалась как бы сама собой, стихийно, внахлест, и обязана нескольким судьбонос-но-литературным встречам в моей жизни.

В 2008 году, после выхода романа «Почерк Леонардо» я оказалась в Москве по делам, самым разным, и издательским, и кинематографическим.

Накануне приезда получила письмо от режиссера кукольного театра Ирины Уваровой с просьбой встретиться с группой ее артистов. «Понимаете, Дина, мы приступили к пьесе, основанной на игре зеркал, а в вашем недавнем романе столько зеркал...Думаю, ребятам будет полезно с вами поговорить». И хотя график поездки был чрезвычайно плотным, я ухитрилась попасть на встречу с артистами-кукольниками. Честно говоря, давненько не бывала в кукольном театре, и на сей раз была поражена размерам кукол — вероятно, это был самый мини-мини-театр в мире. Крошечные куколки играли на пространстве сцены размером немногим больше чемодана. Зрителей у них в театре бывало человек по 20, больше не помещалось перед сценой.

Мы сидели за большим круглым столом и говорили о зеркалах — в жизни, в театре, в фокусах, в шоу-представлениях. «Почерк Леонардо» только вышел

6 в свет, и приобретенные мною в процессе работы над книгой знания об оптике и прочих сценических обманках были еще свежи и очень заинтересовали артистов и режиссера.

Но время неумолимо бежало, в 2 часа дня у меня на Петровке должна была состояться встреча с режиссерами будущего сериала по роману «На солнечной стороне улицы»... Я забеспокоилась и заторопилась.

И тогда Ирина Уварова сказала: «Не волнуйтесь, Дина, вас подвезет наш Петрушка». И крикнула куда-то вдаль, где разворачивалась анфилада театрального закулисья: «Леша! Леша! Отвези, пожалуйста, Дину Ильиничну на Петровку». Прискакал худенький, с ершиком волос живчик, махнул мне рукой, и мы спустились во двор, сели в машину, поехали...Я, чтобы не молчать, спросила: «А вы все-таки Петр или Алексей?» Он сказал: «Я-то? Я Алексей урожденный, но я — Петрушка». Серьезно на меня посмотрел: «Петрушка. Знаете, кто это?»

«Ну как же, как же, — легко отозвалась я. — Это такой типчик, вроде Буратино, на ширме...» — и жестом показала, пошевелив пальцами. Увидела уничтожительный взгляд актера, заробела и опустила руку.

«Да вы что-о-о! — крикнул он. — Петрушка — это же персонаж мировой культуры! Он везде, всегда... он тысячи, тысячи лет у разных народов!!! Да он еще у ацтеков появился!!! Пульчинелла! Панч! Полишинель! Гансвурст! Карагёз! Видушака! Ванька Рататуй! Петр Петрович Уксусов!!!»

Он бросил руль и вопил, яростно и страстно потрясая руками. Я сидела, вжав голову в плечи, уверенная, что сейчас мы врежемся в какой-нибудь грузовик, мечтая очутиться среди обычных, нормальных людей.

Оказавшись вечером в гостинице, черкнула в вечном походном своем блокноте: «Написать о чокнутом чертовом кукольнике!».

Эту запись считаю началом работы над романом «Синдром Петрушки». И хотя прошел еще целый год, а я была занята совсем другим: изучением техники реставрации, техники живописи, совсем другими городами и странами, совсем другим человеком, героем романа «Белая голубка Кордовы», — подспудно, медленно разворачиваясь, эта тема все настойчивей овладевала воображением и мыслями.

И когда я отправила в издательство готовую рукопись «Белой голубки», я буквально бросилась в омут этого странного мира кукол: бросилась встречаться и разговаривать с артистами, художниками, режиссерами кукольных театров. Знакомилась с одинокими волками-кукольниками, которые ставят собственные моноспектакли, никого не допуская на сцену. Я общалась с механикой кукольных тел, я погружалась в философию кукольного дела, меня охватывали мистические ощущения от чтения книг по истории кукольных театров разных народов мира...

Это был чудной волшебный год, который я провела в волшебном Львове и в волшебной Праге. Провела, конечно, в воображении, в воспоминаниях людей, в письмах, в историях, — но и буквально: побывала во Львове, несколько раз наведлась в любимую Прагу, выбирая для героев адреса и пути-дорожки, по которым они ходят и бегают.

В конце концов, приехала в театр Образцова.

Мня встретила милая женщина, завлит театра, провела по зданию, показала изумительный тамошний музей кукол, в котором есть даже кукольный театр царевича Алексея.

«У нас есть еще хранилище кукол, — сказала она. — Там хранятся и действующие куклы, и другие, с давно уже снятых с репертуара спектаклей. Хотите посмотреть?» И повела меня знакомиться с заведующей этого зала, где вдоль стен шли в несколько этажей стеллажи, а на них лежало множество кукол, накрытых жутковатыми белыми

8 отрезами. Где-то из-под ткани свешивалась нога, где-то рука...Мне это хранилище напомнило морг.

«А вам...не страшно тут сидеть?» — спросила я заведующую залом, когда она рассказала мне, что порой остается здесь и на ночь — работы много, а ночью тихо, хорошо работается.

«Страшновато, конечно, — охотно и весело отозвалась она. — А как вы думаете? Я вот стол развернула, чтобы сидеть к ним лицом. А то, бывает, отвернусь на минутку — а они уже в других позах сидят и лежат»...

Это стало последней каплей в моих размышлениях о природе куклы.

Писателю в период работы над книгой всегда кажется, что он еще не погружался настолько глубоко в тему, как в этой книге, еще не бывал настолько увлечен героями... Это, конечно, иллюзия: просто с завершением книги ты забываешь обо всех бессонных ночах, об отчаянии, которое охватывает тебя ледяным ужасом, когда упираешься в тупик...Но в случае этого моего романа я точно знаю: мне никогда еще не было так весело, так волшебным и так страшно, как в те месяцы, когда я писала «Синдром Петрушки». В этом сюжете было место для загадок и мрачности, для любви и для «готики». Но и для радости, и для игры. Закончив работу, думала, что это только мои эмоции. Оказалось, что книга завораживает не только своего создателя.

«Дина, вы проделали почти невозможное, — писал мне Рафаил Нудельман, переводчик Станислава Лемма, Меира Шалева, Агнона, — вы соединили три разных жанра: увлекательный, и одновременно почти готический роман о куклах и кукольниках, стягивающий воедино полюса истории и искусства; семейный детектив а-ля Диккенс, и психологическую драму, прослеженную от ярких детских и юношеских воспоминаний до зрелых седых волос.

Этой книге к лицу и мистика заклятий и сглазов, и бешеный напор страстей, и лихорадочная смена декораций — Сахалин, Львов, Прага, Иерусалим, Самара... И вы снова нашли замечательных героев, сразу двух, и по-своему не менее романтических, чем в «Голубке», но их заявленные с самого начала безумие и обреченность как-то отодвигают романтику и делают тональность книги совершенно иной. Ощущение высокой трагедии превозмогает страсти, и я думаю, что во многом это следствие «кукольной линии» книги. Она страшна и трагична, она «философски» много более глубока. Человек и кукла, кукольник и взбунтовавшаяся кукла, человек как кукла — в руках судьбы, в руках Творца, в руках генов, — это глубокая и многомерная метафора...

Все это очень волнует. Давно не встречал я такой духовно-напряженной драмы ситуаций и характеров. И мучительно читать временами, и хочется, чтоб длилось. Потому что книга увлекает, причем увлекает какой-то тютчевской, интеллектуальной страстностью.

Кукла, кукольный мир, люди-куклы и куклы-люди — все это завораживает двойным, тройным смыслом. Вы описываете «технику профессии» как бы «вокруг». Как бы о-писываете круги вокруг нее, скорее намекая, чем вдаваясь. От этого все время остается ощущение загадочности. А поскольку загадочен еще и талант (а герои ваших последних трех книг — это прирожденные таланты), то вся кукольная сторона книги становится мерцающе-заманчивой, так до конца и не понятой, но какой-то ощутимо значительной, замечательной и глубокой.

Не думаете ли вы, что это — трилогия, насаженная на шампур сквозной идеи: дwoящаяся реальность. В «Почерке Леонардо» она дwoится в зеркалах, в «Белой голубке Кордовы» — между искусством подделки и просто искусством, в «Синдроме Петрушки» — между куклой и человеком...»

10 Прочитав это письмо, я задумалась: в самом деле: какими странными людьми была я занята в последние годы... Ясновидящая, воздушная гимнастка Анна Нестеренко, создатель несуществующих шедевров Захар Кордовин и, наконец, повелитель кукольных душ Петр Уксусов — кто все они, как не *люди воздуха*, не слишком привязанные к нашей брэнной земле своими душами?

Я так и назвала эту трилогию: «Люди воздуха», — и впоследствии под этим названием она несколько раз переиздавалась.

Честно говоря, все три романа дороги моему авторскому сердцу. Но в «Синдроме Петрушки» заключено нечто волнующе невысказанное, что до сих пор тревожит меня и не дает покоя.

В конце концов, «для того чтобы показать человека со всеми его странностями, был изобретен кукольный спектакль». Это слова великого и загадочного Джонатана Свифта, создателя множества странных миров.

Дина Рубина

СИНДРОМ
ПЕТРУШКИ

«Однажды, силою своей превращая воздух в воду, а воду в кровь и уплотняя в плоть, создал я человеческое существо — мальчика, тем самым сотворив нечто более возвышенное, чем изделие Создателя. Ибо тот создал человека из земли, а я — из воздуха, что много труднее...» Тут мы поняли, что он (Симон Волхв) говорил о мальчике, которого убил, а душу его взял к себе на службу.

*Псевдоклементины
(II век н. э.)*

Часть первая

Глава 1

«...И будь ты проклят со всем своим балаганом! Надеюсь, никогда больше тебя не увижу. Довольно, я полжизни провела за ширмой кукольника. И если когда-нибудь, пусть даже случайно, ты возникнешь передо мной...»

Возникну, возникну... Часиков через пять как раз и возникну, моя радость.

Он аккуратно сложил листок, на котором слово «кукольник» преломлялось и уже махрилось на сгибе, сунул его во внутренний карман куртки и удовлетворенно улыбнулся: все хорошо. Все, можно сказать, превосходно, она выздоравливает...

Взглядом он обвел отсек Пражского аэропорта, где в ожидании посадки едва шевелили плавниками ночные пассажиры, зато горячо вздыхал кофейный змей-горыныч за стойкой бара, с шипением изрыгая в чашки молочную пену, и вновь принялся рассматривать двоих: бабушку и внучку-егозу лет пяти.

Несмотря на предрассветное время, девочка была полна отчаянной энергии, чего не скажешь о замороженной ею бабке. Она скакала то на правой, то на левой ноге, взлетала на кресло коленками, опять соскальзывала на пол и, обежав большой круг, устрем-

16 лялась к старухе с очередным воплем: «Ба! А чем самолет какает, бензином?!»

Та измученно вскрикивала:

— Номи! Номи! Иди же посиди спокойно рядом, хотя б минутку, о-с-с-с-поди!

Наконец старуха сомлела. Глаза ее затуманились, голова медленно отвалилась на спинку кресла, подбородок безвольно и мягко опустился, рот поехал в зевке, да так и застыл. Едва слышно, потом все громче в нем запузырился клекот.

Девочка остановилась против бабки. Минуты две неподвижно хищно следила за развитием увертюры: по мере того как голова старухи запрокидывалась все дальше, рот открывался все шире, в контрапункте храпа заплескались подголоски, трели, форшлаги, и вскоре торжествующий этот хорал, даже в ровном гуле аэропорта, обрел поистине полифоническую мощь.

Пружиня и пришаркивая, девочка подкралась ближе, ближе... взобралась на соседнее сиденье и, навалившись животом на ручку кресла, медленно приблизила лицо к источнику храпа. Ее остренькая безжалостная мордашка излучала исследовательский интерес. Заглянув бабке прямо в открытый рот, она застыла в благоговейно-отчужденном ужасе: так дикарь заглядывает в жерло рокочущего вулкана...

— Но-ми-и-и! Не беззобраззь... Броссьсь ш-ш-ша-лить-сссс... Дай бабуш-шшш-ке сссс-покойно похрапеть-сссс...

Девочка отпрянула. Голос — шипящий свист — раздавался не из бабкиного рта, а откуда-то... Она в панике оглянулась. За ее спиной сидел странный дяденька, похожий на индейца: впалые щеки, орли-

ный нос, вытянутый подбородок, косичка на воротнике куртки. Самыми странными были глаза: цвета густого тумана. Плотно сжав тонкие губы, он с отсутствующим видом изучал табло над стойкой, машинально постукивая пальцами левой руки по ручке кресла. А там, где должна была быть его правая рука... — ужас!!! — шевелилась, извивалась и поднималась на хвосте змея!

И она шипела человеческим голосом!!!

Змея медленно вырастала из правого, засученного по локоть рукава его куртки, покачивая плоской головой, мигая глазом и выбрасывая жало...

«Он сделал ее из руки!» — поняла девочка, взвизгнула, подпрыгнула и окаменела, не сводя глаз с этой резиново-гибкой, бескостной руки... В окошке, свернутом из указательного и большого пальцев, трепетал мизинец, становясь то моргающим глазом, то мелькающим жалом. А главное, змея говорила сама, сама — дядька молчал, чесслово, молчал! — и рот у него был сжат, как у сурового индейца из американских фильмов.

— Ищо! — хрипло приказала девочка, не сводя глаз со змеи.

Тогда змея опала, стряхнулась с руки, раскрылась большая ладонь с длинными пальцами, мгновенно и неуловимо сложившись в кролика.

— Номи, задира! — пропищал кролик, шевеля ушами и прыгая по острому колену перекинутой дядькиной ноги. — Ты не одна умеешь так скакать!

На этот раз девочка впилась глазами в сжатый рот индейца. Плевать на кролика, но откуда голос идет? Разве так бывает?!

— Ищо! — умоляюще вскрикнула она.

18 Дядька сбросил кролика под сиденье кресла, раскатал рукав куртки и проговорил нормальным глуховатым голосом:

— Хорош... будь с тебя. Вон уже рейс объявили, растолкай бабку.

И пока пассажиры протискивались мимо бело-синих приталенных стюардесс, запихивали сумки в багажные ящики и пристегивали ремни в своих креслах, девочка все тянула шею, пытаясь глазами отыскать чудного индейца с косичкой и такой восхитительной волшебной рукой, умеющей говорить на разные голоса...

А он уселся у окна, завернулся в тонкий плед и мгновенно уснул, еще до того, как самолет разогнался и взмыл, — он всегда засыпал в полете. Эпизод со змеей и кроликом был всего лишь возможностью проверить на свежем зрителе некую идею.

Он никогда не заискивал перед детьми и вообще мало обращал на них внимания. В своей жизни он любил только одного ребенка — ту уже взрослую девочку, что выздоравливала сейчас в иерусалимской клинике. Именно в состоянии начальной ремиссии она имела обыкновение строчить ему гневные *окончательные* письма.

* * *

Привычно минуя гулкую толкотню зала прибытия, он выбрался наружу, в шумливую теплынь приморской полосы, в царство шершавого белого камня, все обнявшего, все вокруг обставшего, кроме разве что неба: стены, ступени, тротуары, бордюры вкруг волосато-лакированных стволов могучих пальм.

Всегда неожиданным — особенно после сирых европейских небес — был именно этот горячий свет,

эти синие ломти слепящего неба меж бетонными перекрытиями огромного нового терминала. 19

Водитель первой из вереницы маршруток на Иерусалим что-то крикнул ему, кивнув туда, где, оттопырив фалды задних дверей, стоял белый мини-автобус в ожидании багажа пассажиров. Но он лишь молча поднял ладонь: не сейчас, друг.

Выйдя на открытое пространство, откуда просматривались хвосты самолетов, гривки взьерошенных пальм и дельфины взмывы автострад, он достал из кармана куртки мобильный телефон, футляр с очками и клочок важнейшей бумаги. Нацепив на орлиный нос круглую металлическую оправу, что сразу придало его облику нарочитое сходство с каким-то кукольным персонажем, он ребром ногтя натыкал на клавиатуре номер с бумажки и замер с припаянным к уху мобильником, хищно вытянув подбородок, устремив бледно-серые, неизвестно кого и о чем умоляющие глаза в неразличимую отсюда инстанцию...

...где возникли и томительно поплыли гудки...

Теперь надо внимательно читать записанные русскими буквами смешные слова, не споткнуться бы. Ага: вот кудрявый женский голосок, служебное сочетание безразличия с предупредительностью.

— *Бокер тов!* — старательно прочитал он по бумажке, щурясь. — *Левакеш доктор Горелик, бвакаша!*¹...

Голос приветливо обронил картавое словцо и отпал. Ну и язык: *бок в каше, рыгал Кеша, ква-ква...*

Что ж он там телепается-то, господи!.. Наконец трубку взяли.

— Борька, я тут... — глухо проговорил он: мобильник у виска, локоть отставлен — банкрот в ожи-

¹ Доброе утро! Попросить доктора Горелика, пожалуйста (*иврит*).

20 дании последней вести, после которой спускают курок. И — горло захлестнуло, закашлялся.

Тот молчал, выжидая. Ну да, недоволен доктор Горелик, недоволен. И предупреждал... А иди ты к черту!

— Рановато, — буркнул знакомый до печенок голос.

— Не могу больше, — отозвался он. — Нет сил.

Оба умолкли. Доктор вздохнул и повторил, словно бы размышляя:

— Ранова-а-то... — и спохватился: — Ладно. Чего уж сейчас-то... Поезжай ко мне, ключ — где обычно. Пошуруй насчет жратвы, а я вернусь ближе к вечеру, и мы все обмозгу...

— Нет! — раздраженно перебил тот. — Я сейчас же еду за ней!

Сердце спотыкалось каждые два-три шага, словно бы нащупывая, куда ступить, и тяжело, с оттяжкой било в оба виска.

— Подготовь ее к выписке, пожалуйста.

...Маршрутка на крутом повороте слегка накренилась, на две-три секунды пугающе замешкалась над кипарисовыми пиками лесистого ущелья и стала взбираться все выше, в Иерусалимские горы. День сегодня выходил мглисто-солнечным, голубым, акварельным. На дальних холмах разлилось кисельное опаловое озеро, в беспокойном движении которого то обнажался каскад черепичных крыш, то, бликуя окнами, выныривала кукольно-белая группка домов на хвойном темени горы, то разверзалась меж двух туманных склонов извилисто-синяя рана глубокой долины, торопливо затягиваясь таким же длинным жемчужным облаком.